

Брамса и Шостаковича прояснили

великий дирижер
Курт Мазур
на фестивале
«Приношение
Святославу Рихтеру»

ЯРОСЛАВ СЕДОВ

Фестиваль «Приношение Святославу Рихтеру» только начался, но его главное событие уже произошло. В Большом зале московской Консерватории выступил знаменитый немецкий дирижер Курт Мазур, один из последних могикан великой европейской дирижерской традиции XX века, ныне — руководитель старейшего в Европе Национального оркестра Франции. В честь Святослава Рихтера он продирижировал произведениями Брамса и Шостаковича.

Монументальный, с седой бородой, делающей его похожим на Санта-Клауса, Курт Мазур при первом же появлении на сцене излучает добродушие могущественного волшебника, которому нет нужды призывать окружающих к порядку. В его присутствии невольно подтягиваются все. Не из страха, а в предвкушении чудес, которые жалко

пропустить. И музыкант не обманул ожиданий.

Он совершенно преобразил звучание Большого симфонического оркестра имени Чайковского. Этот уважаемый, по счастью, десятилетиями не подвергавшийся пертурбациям и потому прекрасно сыгранный коллектив обычно заполняет залы мощной, сокрушительной, но монолитной звуковой массой. Разумеется, в ее консистенции вы порой отличите струнные от духовых, благо и композиторы иногда пишут не для всех групп сразу, а дают позвучать то одной, то другой попеременно. Но вот оттенки тембров, нюансировка, детали — БСО выше этого, он работает только по крупному.

Мазур сумел, не жертвуя ни мощностью, ни масштабом, создать впечатление безграничного звукового пространства, наполненного завораживающими голосами. Фортепианный концерт Брамса часто называют симфонией. Оркестровая партия здесь так развита, что, живописуя всевозможные состояния природы и душевные метания лирического героя, она едва не поглощает партию солирующую. Мазур справедливо выбрал в партнерши Елизавету Леонскую. Техническая, но не поражающая оригинальностью трактовки пиани-

Курт Мазур, последний из великих европейских дирижеров, обеспечил фестивалю памяти Рихтера высочайший музыкальный уровень

стка, она органично вписала трудные фортепианные пассажи в захватывающую музыкальную картину, где образы мощных речных потоков, шелеста листвы, идиллических пейзажей и прочих излюбленных романтиками объектов образовали у Мазура строгую, четко выверенную композицию.

Сходным образом дирижер представил и Первую симфонию Шостаковича. Один из самых авторитетных пропагандистов русской музыки, активно включавший ее в свои программы на протяжении всей своей полувековой карьеры, он избавляет Шостаковича от броскости монументальных трактовок советской традиции. Мазура интересуют те главные эмоциональные побуждения, воплотившиеся в музыке, что сближают Шостаковича с магистральными течениями экспрессионизма и экзистенциализма XX века, отнюдь не только музыкального. В результате наизусть знакомое сочинение оказывается лишь поводом свершить некое культурно-психологическое путешествие, полное открытий. К концу которого дирижер, строго контролирующий настроение публики, будто выводит вас из темных лабиринтов в праздничный, ярко освещенный зал.